

3. Знайомство з ґендерною теорією допомогло б студентам у розумінні андроцентричних виявлень у вищій школі.

4. Ґендерна диференціація в галузі вищої освіти не стільки очевидна, як могла б показатися з першого погляду, що пов'язано, як представляється, із деяким покращенням загального ґендерного клімату в суспільстві.

5. У той же час роль ґендерних стереотипів, які формують соціальну поведінку студентів, все ще дуже висока.

Так, наприклад, вимогливість та об'єктивність оцінювання, тобто одні з найважливіших позитивних рис викладача, студенти стереотипно приписують чоловікові-викладачеві, тоді як жінці-викладачеві – емоційність, культуру мови, тактовність, доброзичливість, дикцію та мелодійність викладання матеріалу.

Необхідно відзначити цікавий парадокс: чому ж «необ'єктивна та недостатньо вимоглива» порівняно із чоловіком-викладачем жінка-викладач більш популярна серед студентів (8 %)? Наші висновки важко розповсюдити на всю систему вищої освіти

України, але ми вважаємо, що вони дають певне уявлення про атмосферу «ґендерованої аудиторії» технічного університету.

Література:

1. Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. [Бем С.] – М.: РОССПЭН, 2004 с.

2. Власова Т. И. Формирование гендерных стереотипов в западноевропейской философии. Монография. – К.: Генеза, 2006. – 291 с.

3. Грабовська І. М. Українознавство та ґендерні дослідження в контексті модернізаційних проблем вищої школи// Вісник Дніпропетровського університету. Філософія. Соціологія. Політологія. – Вип. 15, 2007 с.

4. Киммел М. Гендерное общество. – М.: РОССПЭН, 2006 с.

5. Талько Т. М. Ґендерні методології у контексті запровадження Болонської системи в українських вищих навчальних закладах// Вісник Дніпропетровського університету. Філософія. Соціологія. Політологія. – Вип. 15, 2007 с.

6. Sadker M., Sadker D. Confronting Sexism in the College Classroom// Gender in the Classroom. – University of Illinois Press, 1990. – P. 176-188.

Татьяна Власова, Наталья Костюк

Дихотомія «разум/ емоції» и проблема образования женщин в западноевропейской философии

У статті аналізуються деякі питання теорії пізнання та ґендерної теорії, які пов'язані з бінарністю мислення та його ціннісно-ієрархічним характером; особлива увага приділяється розгляду дихотомії «розум – емоції» в руслі проблеми важливості вищої освіти для жінок у сучасному суспільстві.

Some issues of women, knowledge and reality are under analysis as well as their connection with the binary thinking typical of the traditional philosophy; the special attention is paid to the dichotomy «reason/ emotion» and its role in the higher education for women.

Как отмечают ученые, концепция «Человека рационального» безусловно менялась на протяжении веков, но неизменно именно в логике ценностно-иерархического мышления рассматривались (и рассматриваются) такие бинарные оппозиции, как мужчина/женщина, дух/тело, мышление/чувства, рациональное/иррациональное и т.п. [3, с. 7].

Нормативный дуализм и логика ценностно-иерархического мышления – это те ключевые вопросы феминистской онтологии, которые, будучи затронутыми еще «феминистками до феминизма», в целом

определили развитие феминистской философской мысли на долгое время.

Известно, что контраст между разумом и эмоциями в западной философской традиции всегда занимал существенное место. Философы от Платона до наших дней именно разум считают главной познавательной способностью. И античным философам, и средневековым мыслителям именно разум обеспечивал доступ к порядку всего существующего. Ученые-феминисты (и в этом большая заслуга М. Уоллстоункрафт) не раз обращали внимание на то, что в западной традиции мужчинам и женщинам приписывается неодинаковая степень рациональности и эмоциональности. Разум не только противостоит эмоциям, он также ассоциируется с ментальным, культурным, универсальным, публичным и маскулинным, в то время как эмоции связаны с иррациональным, физическим, природным, конкретным, частным и, конечно, фемининным [6]. В итоге разум всегда ассоциируется с членами доминирующих социальных, политических и культурных групп, а эмоции – с членами групп подчиненных. В то же время ученые подчеркивают: несмотря на то, что

эмоциональность женщин – весьма распространенный стереотип, он не имеет достаточно оснований [7].

Как тонко замечает Э. Джаггар, женщины кажутся более эмоциональными потому, что им позволено более открыто выражать свои эмоции, более того, это поощряется. В современной западной культуре эмоционально неэкспрессивных женщин воспринимают, как «ненастоящих», а мужчин, свободно выражающих свои эмоции, – как гомосексуальных. Но если эмоции и разум четко расписаны и предписаны, то идеологическая функция мифа о рациональности против эмоциональности становится очевидной. Как полагают исследователи, эта функция состоит в поддержании эпистемного авторитета доминирующих социальных групп и дискредитации идей подчиненных групп. Чем с большей силой и страстью последние выражают свои мысли и идеи, тем более эмоциональными они выглядят, и тем легче их дискредитировать. Таким образом, утверждают ученые, эпистемный авторитет доминирующих групп служит их политическому авторитету.

Феминистская философия, особенно в своей академической форме, безусловно, уходит корнями в классическую философию. Ученые доказывают: именно в античности возникает философская тема разума, отождествляемого с мужским началом и тождественного добродетели.

Философское познание предстает у античных философов как созерцание внешних форм в абстрагировании от непознаваемой, нерациональной материи. Оно возможно только при жестком контроле над телесностью и чувственным опытом, который должен быть свободен от всего случайного и хаотического. Однако чувственность (Эрос) играет значительную роль в мироощущении и мировосприятии греков, поэтому Платон не может вывести ее за рамки своей системы, выделяя высший тип чувственности, «духовный», или «небесный мужской Эрос», который воплощается в философии [5]. Аристотель в еще большей степени отождествляет познание и рациональность с активным мужским началом, а хаотичную материю как низшую субстанцию – с пассивным женским. Западноевропейская философия Нового времени определяет «всепроникающий» разум как главенствующую черту человека. Признак разумности объявляется важнейшим родовым свойством человека, а его наличие – бесспорным фактом. «Имя «человеческий род», – подчеркивает Гоббс, – с

очевидностью охватывает всех людей, руководствующихся в своих действиях разумом» [2, с. 310].

Но, как отмечается, рационалисты XVII в. уже осознавали ограничивающий характер разума. Ж. Ллойд в своем блестящем анализе «интуиции» Декарта и трактовке знания Лейбницем показывает важность внерациональных составляющих мышления в XVII в. Например, у Лейбница идеал методологии сосуществует с настойчиво утверждаемой идеей о смутном сознании. И тем не менее «интуиция» стала означать в XVII в. отрицание рационалистического мышления и выступать как стиль мышления, который не знает четких ограничений и не систематизирован таким образом, как предполагает картезианский метод. Поэтому, как справедливо утверждает Ллойд, интуиция неизбежно стала ассоциироваться со специфически женским стилем мышления [7].

Но если в XVII в. эмоции рассматривались как источник беспорядка и искажения истины, то Просвещение, «вернув разум на землю», стало защищать чувства как нормальные побудительные мотивы, полагая при этом, что разум обеспечивает средства для удовлетворения чувств.

Начиная с XVIII в., с приходом романтизма, сфера чувств уже бросает вызов превосходству разума (Шлегель, Новалис, Тик, Шлейермахер). Переоценка эмоций в период романтизма, восхваление воображения и эмоциональности привели к переоценке статуса женщин и тех качеств, которые с ними ассоциируются. Однако, как отмечается, эта переоценка привела к возрождению идеала романтической любви и, соответственно, куртуазности, возводящей женщину на пьедестал. А потому дихотомия разума и чувства в период романтизма не только сохранилась, но еще больше укрепилась.

Исследователи замечают, что реакция против разума в XIX в., ассоциируемая с превознесением иррационального, оставила весьма неоднозначный след в истории философии и, в целом, культуры. Оставляя открытым вопрос, существуют ли изначально «женские» и «мужские» способы познания, следует все-таки отметить, что есть определенные разновидности опыта, которые не могут быть познаны одинаково. Ученые утверждают, что опыт, зависящий от естественных биологических различий, то есть находящийся в сфере сексуальности, материнства, отцовства и некоторых аспектов физического и эмоционального существования, у женщин и мужчин отличается в такой степени, которая не

позволяет им познавать «одинаково» [8]. Последнее выводит на первый план проблему тела в оппозиции к сознанию и телесного в оппозиции к духовному.

В контексте данной статьи следует более подробно остановиться на тех оживленных дискуссиях второй половины XIX в., которые связаны с достаточно агрессивной политикой обоснования различий между мужчинами и женщинами с позиций биологии и физиологии. Как тонко замечает С. Бем, эта активизация социобиологических подходов прекрасно демонстрирует, насколько наука переплетена с культурной идеологией и политикой: феминистский вызов 70-х гг. XIX в. (протесты суфражисток в США и Великобритании, общий подъем феминистских настроений в западноевропейских странах) стал ощутимо угрожать общественному порядку, и тут на помощь андроцентризму были призваны биологические концепции [1, с. 43].

Как полагает С. Бем, особого внимания в этой связи заслуживают теории Э. Кларка, Г. Спенсера, Ч. Дарвина, П. Геддеса и Дж. А. Томпсона. Общеизвестно, что принцип сохранения энергии использовался для подтверждения множества естественнонаучных представлений XIX в., в том числе и мнения, что если человек будет излишне предаваться какому-то одному виду деятельности, то произойдет истощение ограниченного запаса энергии. Но, когда в 1873 г. был опубликован труд Э. Кларка «Пол в образовании», закон сохранения энергии стал применяться для подтверждения мизогинистских идей о том, что университетское образование – неподходящая деятельность для женщин.

Мысли об опасности образования для здоровья женщины высказывались в конце XIX в. такими знаменитыми учеными, как английский психиатр Г. Модсли, английский философ Г. Спенсер, американский психолог С. Холл. Как замечает С. Бем, они отреагировали, по крайней мере, на два взаимосвязанных изменения в социальной жизни своих стран: все большее количество колледжей открывали свои двери для женщин, и женщины, получившие высшее образование, рожали меньше детей, чем женщины без образования. Г. Спенсер, известный сегодня как один из родоначальников позитивизма, в конце XIX в. был знаменит благодаря своей теории эволюции, которая объясняла не только иерархическую систему викторианской Британии, но также мужские и женские социальные роли. Применяя свою «прогрессивную» теорию эволюции к полу и классу, Спенсер пришел к выводу, что

общественное разделение по классовому и половому признакам predetermined биологически: биология таким образом сформировала каждый класс и каждый пол, чтобы их представители были готовы выполнять соответствующие им общественные роли. Таким образом, биология сформировала женщин настолько заботливыми и милосердными, что им нужно отказать в праве голоса, иначе «они могут вмешиваться в естественный ход прогресса и оказывать государственную помощь тем, кто без этой помощи не выжил бы в борьбе за существование» [1, с. 45-46]. Как очевидно, этот интересный аргумент был направлен прежде всего против права женщин голосовать и, в целом, принимать участие в общественной жизни.

Волна вульгарного биодетерминизма в значительной степени потеряла свою силу к двадцатым годам XX в., но, что небезынтересно, с обострением феминистских настроений и с актуализацией феминистских теорий в 70-х годах она вновь стала набирать мощь. Лионел Тайгер, например, опубликовал в 1970г. статью «Возможные биологические истоки половой дискриминации», в которой он утверждал, что исключение женщин из принятия решений в большой политике, экономике и т.д. происходит не из-за «мужского шовинизма», а из-за генетически запрограммированных поведенческих склонностей мужчин устанавливать связи друг с другом. Эти связи внутренне свойственны политической, экономической, военной, полицейской и другим подсистемам, и женщины могут служить им помехой [10, с. 33-36]. И хотя некоторые другие исследователи в эти годы также руководствовались в своих работах идеями социобиологического детерминизма, наибольший эффект произвела книга Э. Вилсона «Социобиология: новейший синтез», в которой он «эффектно объявил» о том, что социальное поведение людей и социальная организация закодированы в генах [10]. «Социобиология» Вилсона вновь дала толчок дебатам в науке, – в русле новой эволюционной перспективы, – о врожденности половых различий (Д. Бараш, Дж. МакКиннон, Д. Симонс и др.).

Представители альтернативных гипотез утверждают, что именно невозможность осмыслить биологию в социальном контексте порождает поспешные выводы о глубоких половых различиях, заложенных в генах и мозге человека. Биологически обусловленное поведение рассматривается многими учеными (С. Харди, С. Бем, Э. Маккоба, К. Джеклин и

др.) как в высшей степени ситуативное, вынужденное и сформированное культурой, историей и окружающей средой [11].

Исследователи доказывают, что не имеет значения, какое количество биологических различий между полами будет обнаружено, их значимость в каждом конкретном случае будет зависеть от ситуативного контекста, в котором живут женщины и мужчины. Фактором же сопоставимого значения в развитии половых различий и полового неравенства является центрированность на мужчинах, которая «в каждой конкретной культуре вытекает из институализации мужской политической власти» [1, с. 76].

Как известно, философии постмодернизма пришлось отказаться от некоторых традиционных воззрений, в том числе о том, что значение основывается на истинности и референции, что биологические виды представляют собой естественные роды, определяемые общими сущностными свойствами, что мышление отделено от тела и независимо от него, что эмоции не имеют концептуального содержания, что разум трансцендентален, что существует истинный взгляд на мир, внешний по отношению к человеческому познанию способ понимания того, что есть объективная истина [5]. И хотя гендерные концепции были во многом подготовлены предыдущими трудами ученых, они, безусловно, оформились в самостоятельную науку благодаря исследованиям постмодернистов. Именно признание антропоморфного взгляда на сознание и мышление позволяет сделать вывод о том, что гендер является компонентом как коллективного, так и индивидуального сознания. Как представляется, здесь особую важность приобретают теория архетипов К. Юнга и теория прототипов Э.Роша и Дж.Лакоффа. Поскольку архетипы представляют коллективное сознание, а знание прототипов приобретает человеком в процессе освоения культурных кодов, то следующим этапом является освоение сформировавшихся в культуре гендерных стереотипов – упрощенных, схематизированных представлений о мужчинах и женщинах, их месте в обществе, надлежащем социальном поведении. Важно, что сформировавшиеся в культуре представления о мужских и женских качествах отличаются особой устойчивостью к изменению, а неосознаваемый в большей мере характер стереотипных представлений создает впечатление их природности, естественности. Но эти «общечеловеческие» мифологемы, эти схематизированные

представления во многом иллюзорны, поскольку основываются на завышенных (или заниженных) оценках статуса и роли мужчин и женщин в истории и культуре. Следует подчеркнуть, что процесс создания гендерных иллюзий основан на тех же решениях, к которым приходит гендерный субъект, отбрасывающий факторы, мешающие ему полностью погрузиться в иллюзию, порождаемую в его сознании гендерным стереотипом. Происходит процесс, который вполне можно соотнести с процессами, возникающими, по мнению представителей рецептивной эстетики, при чтении художественного произведения, когда возникает такая форма участия читателя в произведении, и он втягивается в текст настолько, что ему кажется, будто всякая дистанция между ним и тем, что происходит в тексте, исчезла. В результате происходит «таяние» границы между субъектом и объектом, приводящее к распределению личности самого читателя. То же самое происходит с «текстом» гендерных стереотипов: субъект думает мыслями определенного гендерного стереотипа, тем самым он как бы выходит из рамок своей индивидуальности и начинает заниматься тем, что ранее не входило в круг его жизненных представлений. Но это те иллюзии, как блестяще показали ученые-постмодернисты, которые создаются господствующей идеологией в интересах социальной элиты или сил, добивающихся контроля над обществом.

Логика развития феминизма и гендерной теории показывает, что только вооруженные знанием женщины могут понять, как работают гендерные технологии, и противостоять им. Только образованные женщины способны изменить морально-психологический климат в обществе, способствовать переоценке ценностей и поиску новых социальных ориентиров и идеалов. Только образованные женщины могут в какой-то степени совершить девиацию мифологем и стереотипов, создававшихся тысячелетиями.

Литература:

1. Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. – М.: РОССПЭН, 2004. – 331 с.
2. Гоббс Т. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. – М.: Из-во социально-экономической литературы, «Мысль», 1965. – 747 с.
3. Женщины, познание и реальность. Исследования по феминистской философии. – М.: РОССПЭН, 2005. – 440 с.

4. Лакофф Дж. Когнитивная семантика// Язык и интеллект. – М., 1996. – С. 148.
5. Платон. Избранные диалоги. – М.: «Художественная литература», 1965. – 142 с.
6. Jaggar A. Love and Knowledge: emotions in feminist epistemology// Gender/ body/ knowledge: Feminist Reconstruction of Being and Knowing. – Rutgers University Press, 1989. – 388p.
7. Lloyd G. The Man of Reason: «Male» and «Female» in Western Philosophy. – New York and London: Routledge, 1993. – 168 p.
8. Grimshaw L. Feminist Philosophers: Women's Perspectives on Philosophical Traditions. – Brighton: Wheatsheaf, 1986.– P. 31-33.
9. Tiger L. The possible biological origin of sexual discrimination// Impact of Science on Society. – № XX, 1, 1970. – P. 29-44.
10. Wilson E. O. Sociobiology: The new synthesis. – Cambridge, MA: Beknap Press, 1975. – 697 p.
11. Hardy S. Sex bias in nature and in history: A late 1980s reexamination of the «biological origins» argument // American Journal of Physical Anthropology. – Vol. 33. – № S11, 2005. – P. 25.37.

Александр Волков

Дискурс женщины: от Сартра к Кристевой

У статті досліджується дискурс жінки на основі використання екзистенціального підходу. Виявляються різні трактування іншого. Показується своєрідність дискурсивної рефлексії. Розкривається своєрідність позиції жінки. Показуються такі стани, як буйство і покірність, а також їх зумовленість. Протиставляється нарцисизм і фемінізм. Характеризується призначення визнання в існуванні, яке протиставляється знанню. Характеризуються різні рівні відносин, і виділяється духовність як вищий рівень, при якому приходиться усвідомлення необхідності віри.

In the article discourse of woman is probed on the basis of the use of existential approach. Different interpretations come to light other. Originality of discursive reflection is shown. Originality of position of woman opens up. Such states as disorderly conduct and obedience, and also their conditionality are shown. Narcissizm and feminism is contrasted. Setting of confession is characterized in existence which is matched against knowledge. The different levels of relations are characterized, and spirituality as higher level which the awareness of necessity of faith comes at is selected.

При рассмотрении дискурса женщины вполне оправдано будет обратиться к наследию Ж.-П. Сартра, поскольку в его работах можно найти довольно детальный анализ проблемы языка [7]. Противостояние с другим, которое описывает Ж.-П. Сартр, вполне следует отнести к отношениям мужчины и женщины, которые мы будем рассматривать со стороны позиции женщины. Отношение с другим – это конфликт, в котором видение самого себя возможно только со стороны другого, при условии участия в дискурсе, который объединяет. Это вполне оправдано, поскольку понять себя и

другого можно при наличии общения. Конфликт состоит в том, что ценность самого себя открывается через другого; это ценность, которую мне приписывает другой, а через него себе я сам. Большое значение Ж.-П. Сартр уделяет свободе, которая, по его мнению, возможна в состоянии любви. Свобода при этом – признание любимого как абсолютной ценности. Тогда отчуждение становится невозможным, а ему место уступает соблазнение, которое есть не что иное, как рискованный шаг навстречу тому, кто, возможно, любит.

Обратим внимание на то, что сартровская трактовка языка весьма близка современному пониманию дискурса. Это понятно, поскольку язык рассматривается как средство самовыражения. Поэтому анализ языка Ж.-П. Сартра можно использовать при исследовании женского дискурса. Содержанием этого дискурса не будет точное знание, то есть знание о конкретном предмете, а будет смысл, в котором получает выражение своеобразие переживания отношения к другому [7, 221]. При рассмотрении отношения к другому проясняется смысл сказанного, его оттенки, и, соответственно, уточняются отношения. Отсюда вполне объяснима магичность языка.

Основная цель в любви – это присвоение другого для самого себя, при этом другой обладает высшей ценностью. Таким образом, любимый обретает свободу через другого. Если же он сосредотачивается только на самом себе, то это приводит к мазохизму как очарованности собой в качестве объекта наслаждения. Можно утверждать, что трактовка дискурса, Ж.-П. Сартра напоминает феномен зеркала, который позднее был описан Ж. Лаканом [4]. В такой трактовке отсутствует Я в его фиктеанском понимании, как нечто